

Ю. В. Лобанова²**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАУК
В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРНЫХ ЭПОХ XIX — НАЧАЛА XXI ВЕКА**

Проблема взаимодействия, взаимосвязи, взаимозависимости не просто значима для науки о культуре — она является смысловым стержнем большинства исследований, которые можно назвать культурологическими. Одна из самых притягательных черт культурологии заключается именно в предрасположенности этой науки к «синтетическому» мышлению, стремлении находить связи между явлениями, фактами, сферами (в том числе научными).

Культуролог пытается не только диагностировать и описать существующие связи, но и *вскрыть определенные тенденции, ритмы в их развитии*. Что касается критериев, позволяющих судить об истинности той или иной выявленной тенденции, то для связей, рассмотренных в диахронном срезе, ответ на этот вопрос, казалось бы, очевиден: если некая тенденция существует, то ее действие должно распространяться как на прошлое, так и на настоящее и будущее (при допущении факта непрерывности и неоднородности

исторического процесса)³. Однако еще в середине XX века Ф. Бродель был вынужден признать: «Еще вчера говорили, что без предсказания нет науки: она должна быть либо пророческой, либо не быть... Сегодня мы сказали бы, что ни одна из социальных наук, включая историю, не должна предвидеть, и, следовательно, согласно прежним правилам игры, ни одна из них не имеет права на прекрасное имя науки»⁴. Что в середине XX века заставляло историков критически пересматривать подходы к своей дисциплине? Представляется, что причина этого кроется в смене культурных эпох, как раз происходившей в указанное время. Рождался новый — постмодернистский — тип культуры, и Бродель подчеркивал: «...как сегодняшние историки, мы чувствуем свою принадлежность к другому веку, к другим приключениям духа»⁵.

В этом тексте чувствуется растерянность и неспособность автора, несмотря на изменившиеся условия, отказаться от высокой оценки деятельности своих предшественников — Ж. Мишле, Л. фон Ранке, А. О. Курно. Бродель не без сожаления признает отсутствие уверенности том, что «мы охватываем всю сущность истории»⁶. Тем самым подчеркивается, что у вышеназванных историков предшествующих поколений такая уверенность была. В качестве подтверждения можно привести известное высказывание Ранке: «Только наш век мог выработать понятие о всемирной

² Доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), кандидат культурологии. Автор около 70 научных публикаций, в т. ч.: «Культура города и человек: проблема теоретического осмысления», «Образ города в искусстве: психологический и историко-культурный аспекты», «Теоретические основания исследования художественной культуры Санкт-Петербурга. К юбилею издания монографии М. С. Кагана «Град Петров в истории русской культуры»», «История глазами культуролога: методологический аспект», «Проблема стиля городской культуры (на материале Санкт-Петербурга)» и др. Член Научно-образовательного культурологического общества.

³ Бродель Ф. Очерки истории / пер. с фр. Э. Орловой. М.: Академ. проект: Альма Матер, 2015. С. 16–17.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

истории в смысле изображения явлений жизни всех народов, во все времена, в их взаимной связи, насколько эти явления, сосуществуя друг с другом или следуя одни за другими в тесном преемстве, действительно образуют единое живое целое»¹.

Представляется, что потребность в поисках взаимосвязей, которую продемонстрировал Ранке, не в последнюю очередь определялась тем, что он, так же как и Мишле и другие вышеназванные авторы, сформировался в эпоху романтизма — период, отличавшийся чрезвычайной подвижностью, высокой степенью присутствия в культуре иррационального начала. Искусство таких периодов тяготеет к различным формам синтеза, проявляющегося и в повышенном интересе к символике как инструменту художественного самовыражения, и в востребованности таких крупных, объединительных в своей основе феноменов, как стиль или направление. То же можно сказать о движении научной и философской мысли, которая в ситуации «культурного хаоса» демонстрирует стремление к масштабным, концептуальным построениям, предполагающим наличие явных или опосредованных связей между различными элементами большого целого.

В подобные периоды активизируется поиск закономерностей, которые так или иначе связаны с идеей движения, развития природы, общества, культуры. Яркий пример — открытие Гегелем законов диалектики как раз в момент преобладания в духовной и художественной атмосфере Европы романтических тенденций. В этом отношении закономерна связь, с одной стороны, культур Античности, Возрождения, Просвещения, второй половины XIX столетия (эпохи позитивизма, или сциентизма), а также второй половины XX — начала XXI века (эпохи постмодернизма), а с другой — таких периодов, как Средневековье, XVII век (эпохи барокко), эпох романтизма и модернизма.

Поэтому внимание Броделя — историка эпохи модернизма — к опыту историков-романтиков с их потребностью в обобщениях и поисках взаимосвязей отнюдь не случайно, как не случайна идея движения, развития, заложенная в работах его современников О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби, К. Ясперса или П. А. Сорокина.

Можно предположить, что культуры, являющиеся звеньями в цепи «Возрождение–Просвещение–позитивизм–постмодернизм», также будут иметь нечто общее в своем характере. Сенситивная доминанта, присущая, согласно представлениям П. А. Сорокина, Западной Европе начиная с XV века, в них выражена с наибольшей полнотой. В такие эпохи — по нарастающей — особенно авторитетным становится знание, истинность которого может быть подтверждена опытным путем. Названные культуры имеют ярко выраженное рациональное и светское начало, что часто заставляет их представителей сосредоточиваться главным образом на проблемах современности, рассматриваемой к тому же с позиций практичности и утилитарности и оптимистично оцениваемой не как миг «между прошлым и будущим», а как одна из высших фаз развития мировой истории. *Акцент делается на систематизации, а не на обобщении; идея синтеза сменяется потребностью в дифференциации, применяемой в том числе к научной сфере.* Профессионалом от науки считается специалист, не выходящий за рамки области конкретного знания; попользования тех, кто пытается строить исследования на принципах диалогичности, междисциплинарности, взаимодействия, наталкиваются на непонимание и осуждение.

С непониманием такого рода в период становления тенденций постмодернизма столкнулся Ф. Бродель. В похожем положении сейчас оказалась и культурология. Бурно развивавшаяся в ситуации социокультурных изменений (то есть в контексте, близком романтическому), выхода за пределы «железного занавеса» и процесса осмысления себя и мира на новом этапе, в настоящее время она столкнулась с теми же тенденциями, которые, проявившись в эпохи Просвещения и позитивизма, перешли в наше родственное им время. Эти тенденции (одна из которых выражается в примате специализированного научного знания, не предполагающего отношения к отечественному (и мировому) социокультурному пространству как системе, все элементы которой находятся во взаимодействии) вызывают тревогу, ставят под угрозу развитие как гуманитарного научного знания, так и человечества в целом.

¹ Цит. по: Юсим М. А. История и мораль. Ценности и время. Субъективный фактор в истории. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2014. С. 152.